

Когда Гао Мэнли, ведомая запахом, добралась до уборной в заднем дворе, она пожалела, что вчера не нашла себе местечка у подножия горы.

Это была просто глубокая яма, прикрытая парой досок, а вокруг — треугольный шалаш из кукурузных стеблей.

Едва она подошла к входу, как специфический дух брожения ударил в нос, заставив глаза слезиться от едкой вони.

Пришлось задержать дыхание и, дрожа от отвращения, балансировать на досках.

А потом обнаружилось кое-что похуже: бумаги не было!

Судя по обстановке в доме, о такой роскоши здесь и не слыхивали. Она огляделась по сторонам, и после короткой внутренней борьбы, смирившись с неизбежным, зажмурилась и сорвала несколько сухих листьев с ближайшего стебля кукурузы.

Натянув штаны, она рванула к переднему двору, как на стометровке, и лишь жадно глотая свежий воздух, почувствовала, что вернулась к жизни.

Линь Си, протирая глаза, вышел следом, зевая во весь рот:

— Ж... Жена, а где тут уборная?

Гао Мэнли с мрачным видом указала в сторону заднего двора.

Линь Си, продолжая зевать, поплелся туда, но вскоре оттуда донесся испуганный вопль:

— А-а-а!

Гао Мэнли, ожидая чего-то подобного, смерила взглядом выбежавшего Линь Си.

Тот скорчил страдальческую гримасу:

— Жена, эта уборная... ну и вонь! А вдруг у меня ноги онемеют и я туда свалюсь?

Гао Мэнли одарила его ледяным взглядом:

— Нельзя было аккуратнее? Если свалишься, никто тебя оттуда вытаскивать не станет.

Там было настолько противно, что она и сама не горела желанием его спасти.

Линь Си, вздохнув, поплелся обратно — делать нечего, пришлось совершить тот же обряд, что и Гао Мэнли.

Вернувшись, они натаскали воды и принялись отмываться, всё ещё чувствуя, что кукурузные листья не справились со своей задачей.

Тем временем в соседнем дворе Линь Фэй, отправившийся на разведку в деревню, только толкнул дверь старого дома, как тут же оказался в окружении семейства Цзян.

Цзян поспешно спросила:

— Ну что? Выяснил, у кого пропала рыба?

Линь Фэй покачал головой:

— Матушка, я всю деревню обошел. Вчера двое упали в воду, вернулись и в деревню больше не показывались. Может, это правда старший брат с женой рыбу наловили?

— Неужели? — пробормотала Цзян, не желая в это верить.

— Матушка, мы тогда на пристань пойдем, а то опоздаем, еще и плату урежут.

Чжу Мэй, вторая невестка Цзян, посмотрела на небо. На пристани они таскали тяжелые мешки, а так как были женщинами, им платили вдвое меньше — всего 12 медных монет в день, тогда как мужчинам полагалось 24.

Цзян махнула им рукой:

— Идите, идите.

— Бабушка, я тоже пойду, я слышал, как отец с матерью встали.

Да Ню выпалил это и тут же припустил бежать. Он до смерти боялся, что если его хватятся, а его не окажется рядом, то быть ему битым обоими родителями.

Ян Цин, третья невестка Цзян, посмотрела на таз с рыбой:

— Матушка, что с рыбой делать? Если сегодня не приготовим, боюсь, испортится.

Пропадет — жалко. А если сварить уху, добавить побольше воды, каждый сможет выпить по миске и подкрепиться. Весной рыбы мало, так что полакомиться ею — большая удача.

Старик Линь Юн, нахмурившись, сгорбившись, строгал доски. Он мастерил табурет, самый обычный. Поскольку в каждой семье умели плести корзины и делать нехитрую мебель, продавалось это за бесценок, едва помогая свести концы с концами. Но даже крохи — это всё же еда. Работая весь день на износ, он сам с аппетитом поглядывал на рыбу.

— Старая, смотри, целый день прошел, а хозяин рыбы так и не объявился. Может, приготовим? Иначе сгниет, обидно будет.

— Ладно. Третья, неси в кухню, вари уху. Половину оставь для второй семьи, остальное утром съедим с лепешками.

Цзян тоже стало жалко рыбу, и она согласилась.

— Есть, матушка!

Трое ребятишек радостно захлопали в ладоши: здорово, сегодня будет уха!

Да Ню тем временем прокрался к воротам и на цыпочках вошел во двор.

Гао Мэнли как раз в унынии смотрела в небо: на завтрак не было ни крошки.

Увидев Да Ню, она поманила его рукой:

— Да Ню, мы как раз тебя ждем!

Мальчишку передернуло от страха. В его понимании эта фраза означала: иди сюда, мелочь, сейчас будешь наказан.

Видя, что он не подходит, Гао Мэнли, не понимая причины, повернулась к Линь Си, который задумчиво грыз ногти, и отвесила ему подзатыльник.

— Ой, больно!

Линь Си сморщился и жалобно посмотрел на жену. Он просто решил, что ногти стали слишком длинными, а она вечно запрещала их грызть, пугая инфекциями.

Гао Мэнли нахмурилась:

— Сколько раз говорила не грызть ногти? Здесь такая глушь, медицины никакой, хочешь помереть от пустяка?

— Я... я больше не буду, честное слово.

Линь Си пообещал, тут же вспомнив, что он даже не знает, в какой династии находится, и что в таких условиях любая болячка может стать смертельной. От этой мысли его пробрала дрожь.

Да Ню смотрел на них, как на привидений. Он увидел, как мать ударила отца, а тот, словно покорная жена, начал извиняться. Хотя оба они были непутевыми, раньше мать всегда слушалась отца, и это отец всегда колотил её, а она просила прощения.

А сегодня всё наоборот — мир перевернулся.

Гао Мэнли повернулась и увидела, что Да Ню всё еще застыл у входа, глупо улыбаясь.

— Да Ню, иди сюда. У меня есть медяки, сходи купи белой муки, отец потом нажарит лепешек.

Она отправила его, потому что вчера их обоих встретили закрытыми дверями. Не то что купить, даже людей в деревне было не сыскать.

— Хорошо.

Да Ню подошел и, как робот, уставился на монеты, которые мать вложила ему в руку.

Гао Мэнли, не зная местных цен, просто отсчитала тридцать монет.

Затем она увела Линь Си в комнату, достала ножницы и заставила его подстричь ногти.

Да Ню стоял, глядя на медяки. Целая куча денег — и всё на белую муку?

Погодите, белая мука? Мать хочет белой муки?!

Такая дорогая вещь! За цену фунта белой муки можно купить два фунта черной!

Он взглянул на мать: ну да, как всегда, транжира. В деревне ни одна семья не ела белую муку, все довольствовались черной. Белую можно было найти только в городке.

Он прижал монеты к телу и, перебирая короткими ножками, отправился в ближайший город Хэтоу. Фунт белой муки стоил 12 монет, так что на 30 монет можно было купить два с половиной фунта.

Путь до города занимал полчаса, а обратно, с мешком муки на спине, пришлось бы идти и вовсе под час.

Он невольно ускорил шаг. Вчера они ели рыбу, интересно, перепадет ли ему сегодня хоть кусочек еды из белой муки?

А Гао Мэнли с Линь Си дома извелись в ожидании.

В который раз Линь Си выглянул за ворота:

— Жена, а мальчишка не сбежал с деньгами? Неужели в деревне так долго покупать?

<http://bllate.org/book/20798/2089966>